

Н. К. Шильдер

**Император Александр I
Его жизнь и царствование. Том 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

Н11 **Н. К. Шильдер**
Император Александр I: Его жизнь и царствование. Том 2 / Н. К. Шильдер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 456 с.

ISBN 978-5-458-26277-4

Фигура российского императора Александра I занимает особое место в русской истории. С его именем связаны победа в Отечественной войне 1812 года и триумфальное вступление русских войск в Париж в 1814 году; руководство Венским конгрессом; указ о вольных хлебопашцах; учреждение Казанского и Харьковского университетов, основание Царскосельского лицея; масштабные культурные преобразования; упразднение Тайной экспедиции и отмена пыток; значительные социальные реформы. На протяжении двухсот лет интерес к личности императора усугублялся еще и таинственной завесой, которой была окутана его биография: вступление на престол после убийства отца - Павла I, легенда о "посмертной жизни" Александра Павловича и его сибирском отшельничестве. Исчерпывающее представление о жизни и деятельности Александра I дает основательная и увлекательная книга Николая Карловича Шильдера, знаменитого русского историка, генерал-лейтенанта, участника Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Его блестящее историческое исследование об этой эпохе стало значительным научным и общественным событием на рубеже XIX-XX вв., а его автор за свой выдающийся труд получил должность директора Императорской публичной библиотеки. Об издании Настоящее, второе, издание сочинения русского историка, генерал-лейтенанта Н.К.Шильдера "Император Александр I, его жизнь и царствование" - является одной из богато иллюстрированных (по редким оригиналам) и основанных на большом фактическом материале книг, посвященных российским императорам. Портреты и рисунки в красках исполнены в Праге, чешским графическим обществом "Уние". Фототипии и гелиогравюры - в художественной мастерской Голике и Вильборг в Петербурге. Цинкографии - Ангерером и Гешлем в Вене и в цинкографии "Нового Времени". Гравюры на дереве - Панемакером в Париже, Бёме, Зубчаниновым, Матэ, Мультиановским, Павловым, Рашевским и Шюблером в Петербурге. Копии с картин рисованы художниками С.С.Соломко, В.П.Павловым и А.А.Чикиным. Фотографии с редких оригиналов снимались фотографом Петербургской судебной палаты А.Н.Малевиным. В издание вошли портреты: Императора Александра I, Великой княжны Александры Павловны, Великой княгини Анны Федоровны, графа Аракчеева, князя Безбородко, графа Строганова, князя Чарторижского, барона Штейна, Императора Александра Павловича, принца прусского Вильгельма, князя Волконского, князя Голицына, барона Кампенгауза и мн. др., а также виды местностей, зданий, бытовые и другие рисунки.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

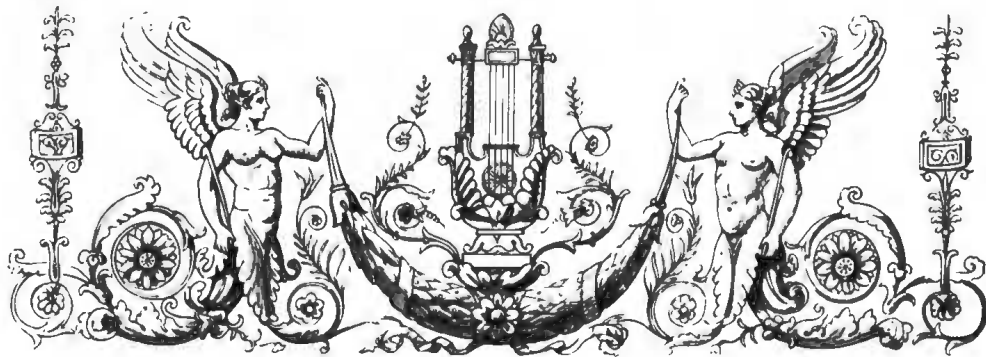
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

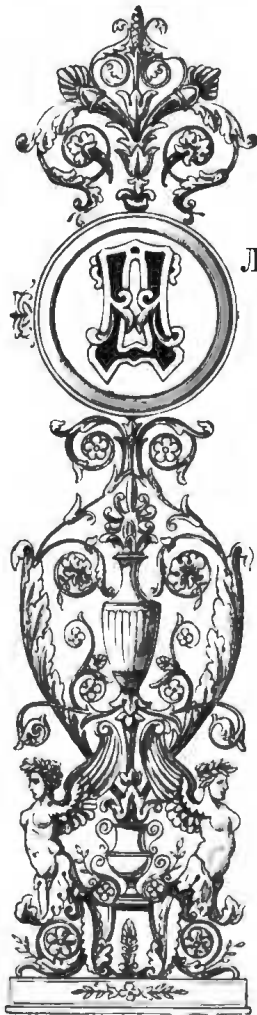
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ОТЪ АВТОРА

ДЛЯ УДОБНѢЙШАГО обозрѣнія событій царствованія императора Александра можно раздѣлить государственную дѣятельность его на три рѣзко разграниченные между собою періода.

Первый періодъ обнимаетъ собою время отъ 1801 до 1810 года. Ему присвоиваютъ обыкновенно наименованіе эпохи преобразовацій. Вникая ближе въ духъ этого періода, вѣрнѣе было бы назвать его эпохою колебаній. Дѣйствительно, за это время, то есть, съ 1801 по 1810 годъ, въ государственной жизни Россіи происходятъ непрерывныя колебанія какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; по всѣмъ отраслямъ управленія имперіею замѣчается полная неустойчивость взглядовъ, рѣзкіе переходы отъ одной политической системы къ другой. Всѣ эти явленія обусловливаются исключительно одною личностью императора Александра, обладавшаго свойствомъ нерѣдко колебаться въ одно и то же время между двумя совершенно различными настроеніями, безъ всякой послѣдовательности въ избранномъ имъ разѣ направленіи.

Второй періодъ продолжается съ 1810 по 1816 годъ и по внутреннему своему смыслу всецѣло сосредоточивается на борьбѣ съ Франціею. Этотъ періодъ, въ противоположность предшествовавшему, олицетворяетъ собою вѣстойчивое преслѣдованіе одной господствующей мысли, доведенной съ замѣчательной послѣдовательностью до конца—примѣръ, едва ли не единственный во все царствованіе Александра I. Неожиданно для всѣхъ, къ удивленію всего міра, онъ явилъ себя въ 1812 году непоколебимымъ и рѣшился быть или не быть. Между тѣмъ Наполеонъ, готовясь къ вторженію въ Россію, основывалъ свои политическіе и военные расчеты на мнимои слабыхарактерности Александра. Въ этомъ отношеніи сокровенныя мысли завоевателя сходились съ тайными расчетами его союзниковъ: Меттерниха и Гарденберга. Всѣмъ этимъ тремъ недругамъ Россіи пришлось однако неожиданно испытать полное разочарованіе. Мысль Александра, которую онъ тогда неуклонно преслѣдовалъ, заключалась въ низложеніи Наполеона. «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать», сказалъ Александръ въ самый разгаръ войны съ своимъ гениальнымъ соперникомъ и оставался вѣрнѣ этой мысли до полного ея осуществленія, даже среди всѣхъ невзгодъ, сопровождавшихъ эту безпримѣрную въ лѣтописяхъ міра борьбу.

Третій періодъ, начинающійся въ 1816 году, оканчивается смертью императора Александра въ 1825 году. Историки обыкновенно присваиваютъ этому періоду наименованіе періода конгрессовъ и охраненія установленнаго ими порядка въ Европѣ. Вѣрнѣе и ближе къ истинѣ назвать это послѣднее десятилѣтіе періодомъ реакціи.

Послѣ низложенія Наполеона императоръ Александръ представляетъ собою усталого мученика, колеблющагося между возрастающимъ вліяніемъ Аракчеева и собственными убѣжденіями, усвоенными въ дни молодости. Среди начинающейся съ 1816 года реакціи можно еще въ первое время прослѣдить присутствіе яркихъ проблесковъ юношескихъ увлеченій и мечтаній. Свидѣтельствомъ тому можетъ служить рѣчь, произнесенная въ 1818 году государемъ при открытіи польскаго сейма. Но съ 1820 года замѣчается уже полное исчезновеніе всѣхъ прежнихъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ онъ нѣкогда стремился съ искреннимъ увлеченіемъ. Къ этому душевному настроенію присоединяется еще окончательное утомленіе жизнью (*un incurable dégoût de la vie*), признаки котораго Меттернихъ подмѣтилъ въ императорѣ Александрѣ уже въ 1822 году во время конгресса въ Веронѣ.

Входя въ ближайшій разборъ поименованныхъ нами трехъ разграниченныхъ между собою періодовъ этого царствованія, нужно отмѣтить еще одну своеобразную черту характера императора Александра. Меттернихъ называетъ это явленіе періодичностью возрѣній императора (*les évolutions périodiques de son esprit*)¹. Она повторялась съ поразительною послѣдовательностью приблизительно черезъ каждыя пять лѣтъ его царствованія. Дѣйствительно, Александръ, усвоивая себѣ по вдохновенію какую нибудь идею, немедленно отдавался ей съ полнымъ

увлеченіемъ. На развитіе этой идеи требовалось около двухъ лѣтъ; она незамѣтнымъ образомъ пріобрѣтала въ его глазахъ значеніе системы. Въ теченіе третьяго года онъ оставался вѣренъ избранной системѣ, все болѣе привязывался къ ней, слушалъ съ истиннымъ увлеченіемъ сторонниковъ ея и въ это время становился недоступнымъ никакому вліянію, могущему поколебать справедливость усвоеннаго имъ взгляда. На четвертый годъ его уже начинали тревожить могущія произойти отъ этого послѣдствія. Въ пятый же годъ замѣчалась неопредѣленная смѣсь системы, готовой исчезнуть, съ новой идеей, начинавшей зарождаться въ его умѣ. Эта идея обыкновенно составляла діаметральную противоположность покидаемому имъ воззрѣнію. Затѣмъ, усвоивъ себѣ новыя убѣжденія, онъ не сохранялъ о покинутыхъ идеяхъ другого воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній.

Для подтвержденія справедливости подобнаго воззрѣнія на характеръ императора Александра достаточно остановиться на нѣкоторыхъ выдающихся событіяхъ, ознаменовавшихъ его царствованіе.

Вступивъ въ 1801 году на престолъ, Александръ выступает на политическое поприще съ нѣкоторыми симпатіями къ главѣ французскаго правительства, первому консулу Бонапарту; но когда послѣдній сдѣлался пожизненнымъ консуломъ, отношенія къ нему Александра сразу измѣнились; онъ обращается въ его глазахъ въ знаменитѣйшаго тирана всемірной исторіи. Эти непріязненные чувства Александра продолжаютъ съ каждымъ годомъ возрастать и превращаютъ его окончательно въ ожесточеннаго врага Наполеона, какъ деспота и завоевателя. Обусловленная этими чувствами политика получаетъ полное развитіе въ дѣйствіяхъ вдохновляемой имъ коалиціи 1805 года. Послѣ Аустерлицкаго погрома истекаетъ первое пятилѣтіе царствованія государя, и подготавливается новая перемѣна въ его воззрѣніяхъ.

Въ исходѣ 1806 года, Александръ вторично вступаетъ въ борьбу съ Наполеономъ, на этотъ разъ уже единоличную, но Фридландское пораженіе 1807 года даетъ новое направленіе русской политикѣ и вызываетъ рѣшительный переломъ въ образѣ мыслей Александра. Происходитъ Тильзитское соглашеніе, и Наполеонъ дѣлается единственнымъ другомъ и союзникомъ русскаго императора. Тѣмъ не менѣе, въ 1809 году, по окончаніи войны съ Австріею, сочувствіе Александра къ Наполеону оказывается уже сильно поколебленнымъ, дружба принимаетъ сомнительный характеръ, и все предвѣщаетъ новый разрывъ съ Франціею.

Съ 1810 года отношенія между тильзитскими союзниками окончательно разстраиваются; Александръ приходитъ къ заключенію, что онъ не можетъ царствовать одновременно съ Наполеономъ, и въ 1812 году разыгрывается воинственная эпопея, заканчивающаяся только въ 1815 году окончательнымъ низложеніемъ французскаго императора.

Вѣнскій конгрессъ создаетъ новую политическую обстановку. Александръ придумываетъ Священный Союзъ, и Россія, сокрушивъ французскую имперію, силою своихъ же побѣдъ становится во главѣ реакціи

въ Европѣ. Но въ умѣ Александра еще не померзли совершенно прежніе идеалы гуманности и свободомыслія, получившіе только отъѣнокъ чуждаго ему въ прежніе годы христіанскаго мистицизма. Это настроеніе государя продолжается съ большими или меньшими колебаніями въ ту или другую сторону до 1820 года.

Со времени же Тропаускаго конгресса Александръ превращается въ безусловнаго и страстнаго поборника самыхъ крайнихъ консервативныхъ принциповъ легитимизма и дѣлается открытымъ врагомъ всякаго народнаго движенія, клонившагося къ видоизмѣненію существовавшаго политическаго устройства; подобное возрѣніе примѣняется государемъ даже и къ христіанскому населенію Востока, изнемогавшему подъ варварскимъ мусульманскимъ игомъ. При такомъ возрѣніи на событія и при связанномъ съ нимъ одностороннемъ направленіи политическихъ дѣлъ интересы Россіи отходятъ на задній планъ, и за русскою арміею, по собственному выраженію императора Александра, упрочивается значеніе одной изъ дивизій великой арміи порядка (*de la grande armée de la bonne cause*). Въ исходѣ 1822 года, послѣ Веронскаго конгресса, Александръ признается уже Меттерниху въ томъ, что вся его жизнь, насколько зависитъ отъ него, посвящена заботамъ о дѣйствительномъ преуспѣяніи общественнаго блага Европы (*au bien être réel de la chose publique Européenne*). Что же подразумѣвалось подъ громкимъ наименованіемъ преуспѣянія общественнаго блага Европы? Оно заключалось въ тѣсномъ союзѣ Австріи, Пруссіи и Россіи и въ предназначеніи всѣхъ громадныхъ силъ этихъ трехъ государствъ для укрощенія стремленій народовъ, направленныхъ къ видоизмѣненію ихъ политическаго положенія, гдѣ бы эти попытки ни проявляли своего существованія.

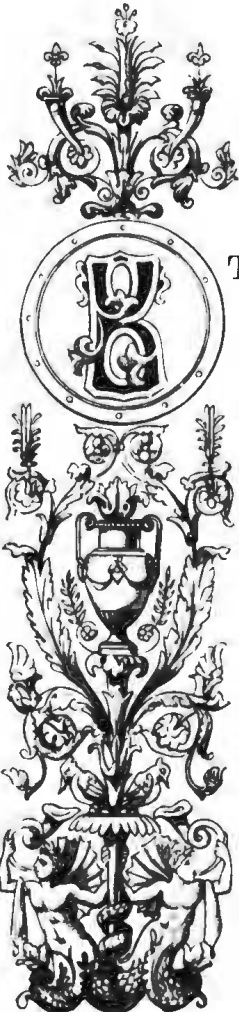
Подобное направленіе политическихъ идей императора Александра не имѣетъ уже ничего общаго съ мыслями, занимавшими его даже въ пору Отечественной войны, когда онъ среди приготовленій къ предстоявшей борьбѣ съ Франціею мечталъ еще о возрожденіи либеральныхъ идей въ Европѣ и предохраненіи несчастнаго человѣчества отъ угрожавшаго ему варварства. «*C'est la dernière lutte de l'indépendance contre l'asservissement, des idées libérales contre le système de la tyrannie*», вотъ въ какихъ выраженіяхъ Александръ опредѣлялъ значеніе 1812 года, когда Наполеонъ уже перешелъ Нѣманъ, и, конечно, эти мысли не имѣли ничего общаго съ позднѣйшими идеями творца Священнаго Союза.

Кончина императора Александра въ 1825 году прерывала предстоявшее дальнѣйшее и неизбежное видоизмѣненіе взглядовъ, ознаменовавшихъ собою послѣднее печальное пятилѣтіе столь богатаго потрясающими событіями царствованія. Трудно опредѣлить, какой характеръ получило бы слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе, если бы жизнь Александра не прервалась столь внезапно. Сказать можно только то, что въ то время существовали зачатки чего-то новаго... но едва ли эта предстоявшая новизна обрадовала бы Россію...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ПЕРВОМЪ часу пополуночи съ 11-го (23-го) на 12-е (24-е) марта 1801 года графъ Палень явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику Александру Павловичу съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ императора Павла.

Горестъ Александра Павловича была неописанная; онъ заливался слезами... Въ это самое время князь Платонъ Александровичъ Зубовъ разбудилъ цесаревича Константина Павловича и привелъ его къ воцарившемуся императору.

Только съ трудомъ графъ Палень уговорилъ Александра выйти къ собраннымъ въ Михайловскомъ замкѣ войскамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. «C'est assez faire l'enfant», сказалъ Палень, «allez régner, venez vous montrer aux gardes»².—Исполнивъ желаніе военнаго губернатора, новый государь, въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича, отбылъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ въ два часа пополуночи.

Императрица Елисавета Алексѣевна осталась въ замкѣ утѣшать вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну³.

Въ Зимній дворецъ призванъ былъ немедленно отставленный 14-го октября 1800 года отъ службы Дмитрій Прокофьевичъ Троицкинскій. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: «Будь моимъ руководителемъ!» Ему поручили тотчасъ же написать манифестъ о вступленіи на престолъ императора Александра Перваго.

Манифестъ возвѣщаетъ слѣдующее: «Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго Родителя нашего, Государя Императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наследственно Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Божь почитающей Августѣйшей Бабки нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягою предъ лицомъ всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ намъ силы къ снесенію бремени нынѣ на насъ лежащаго».

Этимъ немногими словами, вылившимися въ минуту счастливаго вдохновенія, Троицкинскій воспламенилъ сердца подданныхъ искреннѣйшею любовью къ молодому императору и успокоилъ умы, взволнованные еще пережитыми тяжелыми днями.

Присяга новому императору и наследнику, «который назначенъ будетъ», совершилась повсюду утромъ 12-го марта въ величайшемъ порядкѣ⁴. Среди всеобщаго ликованія всѣхъ сословій задумчивымъ и печальнымъ оставался одинъ Александръ. Смерть отца произвела на него потрясающее впечатлѣніе. На выходѣ 12-го марта поступъ его и осанка изображали чего-вѣка, удрученнаго горестью и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Вспоминая впоследствии въ откровенныхъ бесѣдахъ о событіяхъ 1801 года, Александръ говорилъ, что онъ долженъ былъ тогда скрывать свои чувства отъ всѣхъ его окружающихъ и потому нерѣдко запирался въ отдаленномъ покоѣ и тамъ, предаваясь скорби, испускалъ глухіе стоны, сопровождаемые потоками слезъ⁵. Въ его сознаніи царская власть, которую онъ принялъ на себя столь неохотно, являлась однимъ тяжелымъ бременемъ. Видъ огорченнаго императора-сына покорилъ ему сердца всѣхъ. «Послѣ четырехъ лѣтъ». пишетъ современникъ этой эпохи, «воскресаетъ Екатерина изъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чудо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена»⁶.

Близкое къ Александру лицо написало на другой день послѣ восшествия его на престолъ по поводу событія 12-го марта слѣдующія правдивыя строки: «Его чувствительная душа навсегда останется растерзанною... Только мысль о возвращеніи своему отечеству утраченнаго благосостоянія можетъ поддержать его. Ничто другое не могло бы придать ему твердости. Она же необходима ему, потому что единому Богу извѣстно, въ какомъ состояніи получилъ онъ эту имперію... Все тихо и спокойно, если не говорить о почти безумной радости, охватившей всѣхъ отъ послѣдняго мужика до высшихъ слоевъ общества; грустно, что это даже не можетъ удивлять... Я дышу свободно вмѣстѣ со всею Россією»⁷.

Эти слова любящаго его человѣка оказались пророческими. Дѣйствительно, чувствительная душа Александра навсегда осталась растерзанною событіемъ 12-го марта, и воспоминаніе о немъ не покидало его болѣе ни въ радостныя, ни въ печальныя минуты его царствованія, оно наложило неизгладимую печать на всю его послѣдующую жизнь. «Всѣ неприятности и огорченія, какія мнѣ случатся въ жизни моей, я ихъ буду носить, какъ крестъ», — сказалъ императоръ Александръ⁸.

Вся мыслящая Россія встрепенулась при извѣстіи о воцареніи Александра. «Всѣ умы и сердца успокоились», пишетъ А. С. Шишковъ. Восторгъ былъ всеобщій и искренній и, по свидѣтельству современниковъ, выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности. Общество какъ бы возрождалось къ новой жизни, очнувшись отъ терроризма человѣка, который четыре года, не вѣдая что творить, мучилъ Богомъ ввѣренное ему царство⁹. На улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія. Природа какъ бы участвовала въ общей радости: до 12-го марта погода была сырая и пасмурная, съ воцареніемъ же Александра засіяло солнце надолго¹⁰.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую вѣру, на такую радость. Всѣ съ упованіемъ взирали на юнаго государя: молодой, прекрасный собою, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и привѣтливый, онъ могъ очаровать всѣхъ. Россія увидѣла исполненіе пророческаго Державинскаго стиха:

«Будь на тронѣ человѣкъ».

Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, ссылкахъ, разсѣялись, какъ зловѣщіе призраки; ихъ замѣнила надежда на народное благосостояніе и на личную безопасность. Уповаль и Александръ, что онъ сдѣлаетъ Россію счастливою, что онъ отдастъ ей лучшіе годы, лучшія силы, замолить грѣхъ, совершенный чужими руками, а затѣмъ, благословляемый народомъ, исполнивъ завѣтныя мечты, сойдетъ съ выпавшаго на его долю блестящаго поприща и разстанется съ царскимъ вѣнцомъ, который сдѣлался для него неизсякаемымъ источникомъ скорби и сожалѣній.

Графъ Завадовскій въ своей перепискѣ посвятилъ оцѣнкѣ событій 12-го марта нѣсколько своеобразныхъ строкъ: «Жиды чають мессии, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно¹¹.... благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ темныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангель съ стороны кротости и милосердія царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали, измѣряя потому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣеть страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя... возблагодаримъ счастливое время и что въ немъ окончимъ нашъ вѣкъ!»¹².

Карамзинъ оставилъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи» правдивую и неподражаемую характеристику правленія Павла, пронесшагося, по его словамъ, надъ Россіею подобно грозному метеору. «Павель», пишетъ Карамзинъ, «восшелъ на престоль въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излечили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства; но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павель сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и въ слѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но россияне имѣли уже Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святые обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. — Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому изумленію россиянь, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ; отнялъ стыдъ у казни, у награды — прелесть; унижилъ чины и ленты расточительностію въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, приученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ воинской службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворець, соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иностранцевъ, россияне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили